

<http://www.novayagazeta.ru/gulag/2682.html>

[Правда ГУЛАГа / Выпуск Спецвыпуск «Правда ГУЛАГа» от 14.07.2010 №09 \(30\)](#)

454 Запоздалая тень Победы

Григорий Померанц

Григорий Померанц: Праздник Победы подтолкнул меня еще раз обдумать современный парадокс: две побежденные страны, Германия и Япония, процветают. Россия, выигравшая войну ценой огромных жертв, никак не выйдет из инерции своих пирровых побед.

14.07.2010

Нечто подобное уже случилось когда-то, и греки связали роковую победу с именем Пирра, легендарного царя, который допобеждался до полного истощения своего царства. Случалось это и потом. В 1918 году у немцев возникла поговорка: мы допобеждались насмерть. Владыки, блиставшие победами, не раз кончали крахом (Карл XII, Наполеон).

В истории войн известен и противоположный парадокс: «разбитые армии хорошо учатся». Можно немного расширить эту поговорку: хорошо учатся державы, потерпевшие поражения (если поражение толкнуло их на глубокие и плодотворные реформы). Можно вспомнить подходящие случаи и в истории России: позорное поражение у Нарвы вдохновило Петра I на создание нового, своеобразного типа армии, с основной массой солдат из крепостных крестьян, становившихся вольными после 25 лет службы. Эти солдаты побеждали наемные армии Европы довольно долго, пока поражение в Крымской войне не потребовало новых, более глубоких реформ. Если бы эти реформы продолжались, не было бы, вероятно, ни Февральской, ни Октябрьской революций. Трудно сказать, что здесь было роковым, но реформы были оборваны и развитие России пришло к саморазрушению.

Обобщая опыт России (на рубеже XVIII в. и в середине XIX в.), Германии и Японии (после 1945 года), можно сказать, что поражения, даже катастрофические, бывают плодотворны, когда кладут конец отжившим традициям и начинают новую эпоху истории, развязывающую скрытые народные силы. Однако непременным условием является глубина общественного развития. Длительные войны, сливающиеся в одну череду, приводят к упадку и к потере своего места в кругу великих держав. И любой путь, продолженный по прямой линии, грозит саморазрушением.

Плодотворен волновой ритм жизни. Плодотворно преобладание мира над войнами.

Одна из опасностей пирровых войн — то, что они ослепляют своим блеском. Многие люди до сих пор верят в победы Сталина; хотя чем дальше, тем труднее вырваться из тупиков, в которые завел Россию новый Пирр.

Для Сталина, сложившегося как политик в актах революционного террора и в Гражданской войне, нет мирного времени. Он решал по-военному все важнейшие социальные проблемы. И его путь — это ряд пирровых побед. Он победил крестьянство и загнал его в колхозное рабство, а в итоге — глубокий развал сельского хозяйства. Он создал в мирное время экономику военного времени, и во время войны она как-то работала, но мирного соревнования с другими системами не выдерживала. Он покори себе партию, которую возглавил, и в результате она стала бесцветной, безмозглой, не способной выдвигать талантливых лидеров, не способной к творческим поворотам. Он разрушил традиции интеллигенции и в результате резко снизил ее нравственный уровень. Он поставил на колени армию, он расстрелял, вместе с массой других военачальников, Тухачевского, который в 20-е годы, вместе с Гудерианом, укрывшись в Поволжье, разрабатывал тактику танковых армий. А в тридцатые годы, в статьях, которые я читал и запомнил, Тухачевский очень правдоподобно описал тактику войны, начавшейся через несколько лет. Танковые корпуса Германии действовали по этим правилам в Польше и Франции, а впоследствии и в России. Но в Красной армии в конце 30-х годов они были упразднены. Сталин, покончив с Тухачевским, отверг и его наследство. «Броневые ударные батальоны» были включены в состав стрелковых дивизий. Роль танков при этом снизилась до будущих самоходных орудий. Буквально накануне Отечественной войны реформу решили переиграть, и 22 июня застало советские танки в процессе незаконченного собирания батальонов — опять в корпуса.

Некоторые действия Сталина можно назвать просто самодурскими. Зачем он приказал взорвать укрепленные районы, несколько лет создававшиеся вдоль старой границы? Ради какой выгоды? Чтобы доказать Гитлеру свою искреннюю дружбу?

Во время «заклятой дружбы» были присоединены к Советскому Союзу несколько территорий, народы которых не хотели этого. Эстонцы, латыши, литовцы, западные украинцы, молдаване десятки лет ждали независимости и в конце концов дождались своего. Выходя из Советского Союза, они потянули за собой и других.

Пожалуй, не укладывается ни в этот, ни в какой другой ряд только финская война. Она укрепила решение Гитлера покончить с Россией за два летних месяца. Поэтому Гитлер с абсурдной самоуверенностью не велел шить

зимнее обмундирование, а Сталин с такой же самоуверенностью делал вывод, что наступательные боевые порядки у наших границ — только средство нажима накануне новых переговоров. И начальника разведотдела, упорно твердившего свое, он велел расстрелять: пусть не раздражает главу партии, государства и всех Вооруженных сил... Но огромное число обмороженных в Финляндии заставило все же Сталина осознать реальность зимних морозов, и он с опозданием распорядился пошить теплую одежду для солдат и офицеров. Это распоряжение, данное задним числом, когда финская война кончалась и вовсе кончилась, вдруг оказалось решающим фактором зимой 1941–1942 гг. Армия, потеряв танки и самолеты, но одетая по-зимнему, отогнала окоченевших немцев от ворот Москвы. Запоздалая предусмотрительность присоединилась к ряду задержек немцев на пути к Москве, к взрывам патриотизма при обороне городов-символов — и в совокупности все это сорвало блицкриг, и Гитлер был втянут в затяжную войну. Таким же просчетом Гитлера оказалась и Сталинградская битва, о чем разговор будет ниже.

Ход войны в решающем 1942 году необъясним без понимания психологии битвы, которую я без всякой практической надобности несколько раз продумывал, занимаясь своими мемуарами. Кое-что я прочел, кое-что услышал, но основным моим материалом был очень скромный личный опыт. Мне кажется, что психология битвы и психология боя обладают некоторыми общими чертами. Вдохновение, в котором полет над страхом, полет над риском сплетается с напряженной работой мысли, легко вырождается. Победы вызывают восторг, и в нем тонет ряд факторов завтрашнего дня. Эти факторы только профессионалы удерживают в голове, а импровизаторы, втянутые в войну, легко забывают. И при совершенной несовместимости масштабов наступления батальона и наступления нескольких армий — есть нечто общее в непрофессионализме диктаторов и в непрофессионализме военного журналиста.

Кое-какие подробности можно найти в моих «Записках гадкого утенка». Но здесь я ограничусь схемой. После победы вдохновение боя распадается на части, упоение размывает разум, переходит в хмель. И хмель много раз кончался горьким похмельем. Сравнивая мой микроопыт с макроопытом 1942 г., я пришел к выводу, что по этой схеме развивались события и на большом фронте — от подступов к Ленинграду до Харькова. А если говорить о Сталине, то в его уме зимний хмель прочно заледенел, превратился в интеллектуальный штамп, в неподвижную идею.

Весной 1942 г. маршал Шапошников, тогдашний начальник Генерального штаба, предложил перейти к «стратегической обороне». Я узнал об этом из циркулярного письма, разосланного всем участникам Сталинградской битвы, года два тому назад. Слова «стратегическая оборона» многое мне сказали. Здесь и возможность отдельных наступательных операций, и отказ от

втягиваний в частные успехи, и настойчивое сохранение глубины обороны и т.п. Что ответил на это Сталин? Он уволил Шапошникова и приказал продолжать зимнее наступление! Хотя в течение теплого времени, пока не преодолено абсолютное господство противника в воздухе, наступление — это создание идеальных условий для немецкого контрнаступления и прорыва нашего фронта. Но Сталин опьянел от зимних побед. Он забыл о своем позорном предложении второго Брестского мира* и решил, что весна ему нипочем.

На Керченском полуострове, где окружение было невозможно, истончившийся фронт наступления был рассечен ударом в лоб. А дальше удержаться было не на чем. Наступательные боевые порядки не предполагают второго и третьего эшелонов. Мехлис, исполняя волю Сталина, давил на командующего, а после катастрофы принял вину на себя и молча переносил насмешки над Мехлисом Дюнкеркческим, намекавшие на разгром англичан в Дюнкерке. Сталин молча отблагодарил его: ограничился уменьшением звезд на погонах с трех до двух, а после войны верный слуга стал министром государственного контроля.

На Ленинградском направлении немцы окружили наши основные силы. Заместитель командующего фронта, генерал-лейтенант Власов, перелетел в центр окруженной группировки, перестроил ее и ударом изнутри прорвал окружение. Что ответил на это Сталин? Запретил выводить наши части из ловушки, приказал продолжать наступление. Это значило снова ослабить фланги, снова попасть в «котел», не иметь сил на второй прорыв — и в итоге плен.

На Харьковском направлении Гитлер, учитывая характер своего противника, симулировал отступление, втягивая массы советских войск в мешок. Этот маневр многим бросался в глаза, но Сталин их не слушал — пока мешок не захлопнулся и ничего нельзя было исправить.

Тогда хмель победы овладел Гитлером, и он развернул наступление по двум расходящимся линиям — к Волге и на Кавказ. Могучий веер танков и самолетов ослепил мир. Стефан Цвейг пришел в отчаяние и покончил с собой; а Эйнштейн нарушил соглашение физиков и объяснил Рузвельту, какое значение атомная бомба может получить на войне. К лету 1945 г. бомба была готова. Таким образом, видимость неудержимого марша гитлеровских армий вызвала к жизни силы, способные уничтожить все армии.

Эта карта, однако, не была пущена в ход по своему назначению и только показана была миру в Хирোসиме и Нагасаки. Гитлер был разбит без атомной бомбы. Его ошеломительные победы и без этого оказались пирровыми. Сказался второй парадокс войны: разбитые армии хорошо учатся. Заплатив

миллионами жизней за свое обучение, Сталин понял наконец, как превратить свой грубый промах в «благодетельное поражение». Он приватизировал идею «стратегической обороны», только что отвергнутую, и избрал Сталинград как ключевую позицию своей стратегии.

Был, правда, миг, когда в душе Сталина снова победил страх, терзавший его в июне—июле 1941 г.: а вдруг немцы с ходу возьмут город его имени? С панической энергией он собрал несколько десятков пехотных дивизий (нашу 258-ю сперва выгрузили под Воронежем, но тут же погрузили снова и высадили из вагонов к северо-западу от Сталинграда); массы пехоты были брошены в пекло с задачей срезать танковый клин, отгородивший Сталинград с севера. При полном господстве противника в воздухе результат можно было предвидеть: ни одна дивизия не продвинулась больше чем на три километра, усталые труппами. Над степью долго висел трупный смрад.

Однако Сталинград продолжал держаться. Момент отчаяния в душе Сталина прошел. Вернулось устойчивое решение сделать оборону Сталинграда поворотным пунктом войны. Для этого приняты были меры, вряд ли приходившие в голову Шапошникову, чисто сталинские меры: запрет эвакуировать население. В воспоминаниях секретаря Сталинградского обкома приводятся слова Сталина по телефону: «Армия не защищает пустых городов». В этой фразе, цитированной и в книге Николая Рыбалкина «Тень родного города» (безусловно заслуживающей переиздания), учтен опыт Одессы, Севастополя, Ленинграда. Но в городах-героях население стихийно собиралось в местном центре — и оказывалось в блокаде. А в Сталинграде граждан сознательно не предупредили об опасности, использовали их гибель как толчок к вспышке патриотического воодушевления. Женщины и дети, погибающие на глазах солдат и офицеров, создавали тот взрыв патриотизма, который и в 1941 г. заставил немцев обходить очаги сопротивления и потом вести долгую осаду. Но Гитлер не хотел оставить Сталинград в стороне, ему нужен был поскорее символ победы. И его элитные части увязли в городе, растянувшись на десятки километров вдоль Волги.

Оборона Сталинграда остановила весь фронт, напомиравший лоскутное одеяло. Немецкие части чередовались там с румынскими, итальянскими, испанскими... Пока немецкие части шли вперед, прочие охотно разделяли славу победителей. Но остановившееся или просто замедлившееся наступление создавало линию, в которой румыны и итальянцы оказались на направлении главного русского контрудара. Этого удара они не выдерживали, и после артиллерийской подготовки танки, изготовленные в Сибири, вышли на оперативный простор. Группа войск Паулюса была окружена. Лоскутный фронт превратился в кучу лохмотьев. А войска Клейста, ушедшие на Кавказ, оказались вне главной игры и вынуждены были отдать все свои завоевания. При чудовищно растянутом фронте чередование немецких и румынских, немецких и итальянских участков так же помогло

советским войскам, как маниакальная инерция зимних побед в голове Сталина помогла немцам прорвать русский фронт летом 1942 года.

Здесь, пожалуй, надо упомянуть и моральный фактор. Приказ № 227 — лучший образец красноречия, до которого смог подняться Сталин. «Сегодня, 28 июля 1942 года, войска Красной Армии оставили город Ростов, покрыв свои знамена позором...» Если разобрать приказ по косточкам, то это фальшивая риторика. Виновником сдачи Ростова был сам Сталин. После окружения главных сил, поставленных под удар его упорством наступать, наступать, наступать, — уцелевшие части не могли остановить немцев. Позиция, на которой можно было стоять насмерть, была только на берегу Волги. Мне кажется, что Сталин уже думал об этой позиции, когда писал о сдаче Ростова. И именно будущим сталинградцам был адресован лозунг, замыкавший приказ: «Ни шагу назад!»

В Сталинграде не было никаких возможностей маневра и приходилось стоять, как пешки на шахматной доске. Последние слова приказа могут быть названы законом пешек. Но игрок, ограничивший этим законом слонов, коней, ладей, ферзей, — наверняка проиграет партию. Как это выглядело на войне, я описал в «Записках гадкого утенка» (2-е изд., 2003 г., с. 114–116). В донских степях неожиданно сталкивались наши наступавшие и немецкие отступавшие части, сохранившие боеспособность. Здесь вступали в силу законы тактики, а приказ № 227 терял силу, которую он имел в Сталинграде и которую поддерживал приказ артиллерии левого берега стрелять по лодкам, на которых группы, сброшенные с кручи на береговую черту, пытались спастись.

Впрочем, никакого массового бегства из Сталинграда не было. Отдельные части, отрезанные друг от друга, продолжали отчаянно сопротивляться, и это мужество отчаяния было народной почвой, на которую опирались расчеты Генерального штаба. Все это описал Гроссман в романе «Жизнь и судьба». Гроссман прекрасно описал и то, чем кончилось стремительное движение на Запад: беспорядком и беспечностью. Бросив в бой новые танки, «Тигры» и «Пантеры», немцы отбили у нас несколько городов, но не сумели отбить курский плацдарм. И на этом сразу выдохлись.

Наступило затишье. И в затишье завершилось становление нового армейского сознания. День был заполнен рытьем окопов, разворачиванием одной сводной стрелковой роты в двадцать семь стрелковых рот и т.п. Гвардейские значки раздавались щедрой рукой. Но главное происходило в формировании духа бывалого солдата. Сотни газет повторяли лозунг, выхваченный из приказа 227 и замечательно сформулированный в «Вольном слове Фомы Смыслова, русского бывалого солдата»: «Немцы нас научат воевать, а мы их отучим». Я бродил взад и вперед по холмистому фронту и собирал рассказы бывалых солдат, сражавшихся в разных местах, но в газете

«За Родину» сливавшиеся в одну легенду нашей дивизии, со вчерашнего дня гвардейской. Это был звездный час прессы. Она находила слова для того, что само собой складывалась в умах ветеранов. И захватывало всех; единство капли, льющейся с массами, длилось недолго, но оно было.

Сталинградская битва сплела вместе несколько идей, сил, воли: Сталин, Сталинград, победа сплелись в один клубок. Сложился свой русский стиль удалой войны, без касок, без знания пароля и отзыва, беспечный и лихой, как в песне про Ермака, с легкой готовностью стать жертвой победы. Этот тип исчезал в одном, павшем, и возникал снова в другом. Я вспоминаю младшего лейтенанта Бараболкина с его восемью нашивками за ранения, нигде не успевшего получить очередное звание — и вдруг ставшего неуязвимым и за несколько месяцев до конца войны ставшего командиром батальона и Героем Советского Союза. Судя по статистике, большинству выпал другой жребий. Но к нему все были готовы.

А что созревало в сердце Сталина? Секретная инструкция о ссылке народов, заслуживших в его глазах свою кару. Идея эта зародилась еще до войны, она была высказана публично Берией, пригрозившим сослать поголовно всех чеченцев, если они не помогут потушить восстание Ибрагимова. Это было единственное народное восстание в ответ на Большой террор, оно упорно держалось в горных ущельях и, видимо, получало тайную поддержку у «мирных» чеченцев. Но выполнить угрозу не сразу удалось. Началась война. И когда немцы пришли на Кавказ, Ибрагимов послал своего друга Авторханова заключить союз с ними. Немцы пренебрежительно отнеслись к предложению кучки абреков, однако в историю вошел сам Авторханов. Он ушел на Запад, написал там замечательную книгу о борьбе Сталина с оппозицией и еще книгу воспоминаний, напечатанную в журнале «Октябрь». Предисловие к ней редакция предложила написать мне. Так я узнал, с чего все началось.

В месяцы великого затишья 1943 г. Сталин вернулся к своей демонической идее и развернул ее в целый список штрафных народов. По рассказам Хрущева, великий вождь говаривал иногда, что и украинцев надо покарать за Бандеру, но их слишком много и приходится ограничиться малыми народами. А большие пусть учатся на этом: кошку бьют, невестке поветки дают. В конце инструкции была еще строка о евреях: не выдвигать на высшие должности и не награждать Звездой Героя Советского Союза. Отделы кадров сразу уловили здесь новый дух.

А что созревало в сердце Гитлера? Известно что: Холокост — жертва демонам, чтобы они даровали победу. Видимо, с надеждой на незримых союзников дан был приказ «Тиграм» и «Пантерам» обрушиться на курский плацдарм. Никаких хитростей Гитлер на этот раз не придумал, ничего похожего на уловки, подготовившие удар 22 июня 1941 года, и удар,

закрывший мешок на Харьковском направлении в 1942 г. По обе стороны фронта скопились огромные силы, воодушевленные верой в победу: победу арийского духа, не разбавленного ничтожными союзниками, и победу испытанной славы сталинградской обороны. Это было последнее стратегическое наступление немецких армий. После Курской дуги у Гитлера осталась только надежда на «секретное оружие». Но во втором эшелоне танков, рвавших, не считаясь с потерями, линии обороны по Днепру и по Висле, работали неарийские и антифашистские физики, собранные в группе Оппенгеймера. Судьба, сохранившая Гитлера от бомбы Штауфенберга, берегла фюрера только для одинокой смерти от глотка яда.

Сравнивая Гитлера и Сталина, мне хочется подчеркнуть их подобие, более важное, чем историко-культурные различия. В диктаторах XX века бросается в глаза общая черта: решать все великие вопросы большим пролитием крови. Это повторяется и в Мао Цзэдуне, и в Пол Поте. И дело не в том или другом принципе, а в гипертрофии принципов. Все принципы истинны, когда они сплетаются и ограничивают друг друга в венке культуры. Но любой принцип становится разрушительным, когда вырывается из венка и становится движением по прямой линии — в бездну.

Гитлер пережил это падение в бездну при жизни, сталинизм — после смерти Сталина, менявшего идеи, как перчатки, лишь бы увлечь и заморочить людей. В ходе войны с Гитлером Сталин готовился использовать и национализм, смешанный с расизмом. Одна из фраз в приказе № 227 имела зловещий характер: «Учиться у врагов своих...» Сталин учился у Троцкого и готов был учиться у Гитлера.

Я не сразу понял то, что сейчас пишу. Вступая в ополчение на защиту Москвы, я откладывал сомнения, вызванные во мне Сталиным: на переправе не меняют лошадей и командующего на войне. Актуальными были только те промахи Сталина, которые вели к военным поражениям. И с лета 1943 года и до конца войны держался патриотизм, вспыхнувший в обороне городов-символов и в героической работе заводов, эвакуированных в Сибирь, и в расчетах Генерального штаба, выбиравшего время и место для контрударов. Тогда у призрака коммунизма вырастали новые головы — Александра Невского и Дмитрия Донского. Тогда стирались следы позорных поражений, и Фома Смыслов их мгновенно забыл: «Русские прусских всегда бивали». Тогда меня, как и всех, охватывал единый дух армии, который я поддерживал, по мере сил и способностей, в дивизионном листке.

Но уже в 1944 году в единстве духа начались трещины. Непонятен был отказ поддержать Варшавское восстание, непонятна была секретная инструкция о штрафных нациях, дошедшая до меня в госпитале легкораненых. И сердце мое раскалывалось в Берлине. Я был горд и пристыжен в одно и то же время. Меня вдруг оттолкнула от себя масса солдат и офицеров, почти поголовно

одуревших от победы, охмелевших от нее до уровня варварской орды. И постепенно осознавалась связь этого варварства с лозунгами, которыми Сталин разжигал боевой дух: «Убей немца!» Не фашиста, а немца. Это легко переходило на немок, становившихся добычей победителя.

Все яснее сознавалась несовместимость мыслей, возникавших в наиболее развитых головах, и сталинского руководства. Чувство собственного достоинства солдат, вынесших войну, ленинградцев, вынесших блокаду, ожидание амнистии политических заключенных, ожидание многопартийной системы (даже об этом многие мечтали) — все это для Сталина было ересью, и на все головы, в которых закутулись мысли о свободе, посыпались удары.

Прежде всего удары обрушились на военнопленных. Формально они обвинялись в добровольной капитуляции, фактически подавлялась свобода мысли, которую они обрели в немецких лагерях. Даже военнопленных, восставших и самостоятельно освободивших Северную Норвегию, взяли под стражу и осудили на долгие годы советских лагерей. (Подробности см. в книге П.Г. Григоренко «В подполье можно встретить только крыс», глава «Разведсводка № 8».)

В 1946 году началась проработка интеллигенции. Первым шагом была статья Жданова, издевавшегося над Зощенко и «полумонахиней, полублудницей» Ахматовой. Затем началась борьба с общим «низкопоклонством перед Западом», то есть признанием связи русской и европейской культур. Слово «космополитизм», программное в эпоху Гёте, стало ругательством. Интеллигенты вынуждены были каяться в широте своей культуры. Доходило до судебных процессов, в которых обвиняемые подбирались по норме 4:1 (одним, в качестве уступки принципам марксизма, мог быть русский, обвиненный в сионизме). Ликвидировались целые науки: «поповская лженаука генетика», «поповская лженаука кибернетика».

В газете «Правда» появилась разгромная статья против академика Сыркина, считавшего невозможным объяснить реакции органической молекулы одной моделью. Он предлагал теорию резонанса двух или трех моделей. Видимо, в этом учуяли намек на невозможность одной истинной философии, одного курса истории ВКП (б), а может быть, и многопартийной системы. Подвал в газете «Правда» был выше любых научных доказательств.

На очереди был физический идеализм. И вдруг работа идеологического отдела ЦК столкнулась с другим отделом, курировавшим атомную физику. Видимо, Берия поговорил со Сталиным, и Сталин велел оставить физиков в покое.

Однако кухня ведьмы продолжала дымить. Н. А. Вознесенский вызвал зависть своей книгой о советской экономике в годы войны. Ленинградцы

разгневали предложением сделать город, вынесший блокаду, столицей РСФСР. На этом материале было склеено знаменитое «Ленинградское дело». Большую группу партийных работников бросили в застенки, пытали и расстреляли. Кое-кого поменьше рангом отправили в лагеря. С одним из них я имел честь познакомиться в Каргопольлаге.

Народный артист СССР Михоэлс неосторожно вспылал, когда Сталин не принял подарок от нью-йоркских портных, и был за это убит. Вины ему Сталин сгоряча не успел придумать, и поэтому убийство не было юридически оформлено. Однако очень скоро сфабриковано было дело Еврейского антифашистского комитета. Оно не совсем удалось. На инсценировках судебного заседания обвиняемые трижды отказывались от показаний, данных под пыткой. Председатель трибунала дошел до Маленкова с вопросом: что делать? Маленков ответил: «Вы хотите, чтобы мы отступили перед группой изгоев? Исполняйте свой долг». После этого обвиняемых расстреляли втихую, без показательного спектакля.

Но тотчас же Рюмин, замминистра МГБ, затеял новое еврейское дело: врачей, убийц в белых халатах. 5 марта 1953 г. их должны были осудить, а 12-го повесить на Лобном месте. После этого всех евреев, «во избежание погромов», должны были выслать на Дальний Восток и там с ними разделаться. Наташа Трауберг рассказывала мне, что с перепугу она спряталась в квартире полковника, своего друга. Несколько именитых евреев составили письмо, в котором, осуждая убийц, пытались как-то кого-то спасти (об этом есть намек в романе Гроссмана). Но еще до 5 марта радио стало передавать траурную музыку...

Есть предположение, что дело, развернутое Рюминым, угрожало и Берии. Есть другие предположения, что в укрывании «убийц» могли быть обвинены и другие бывшие члены политбюро. Не для этого ли политбюро на очередном съезде было упразднено и весь его состав растворен в большом президиуме ЦК? Из такого большого президиума нетрудно было потом выдергивать по одному и расстреливать соучастников сталинского террора 30-х годов, и — все концы в воду... Во всяком случае, первым делом Берии, Маленкова, Молотова, Кагановича, Хрущева, как только Сталин испустил дух, было восстановить себя как политбюро, а президиум ЦК распустить. Есть и другое предположение: что за делом врачей последовало бы «освобождение Европы»... Достоверно в смерти Сталина только одно: о ней объявили 5 марта.

Толпы иступленно веровавших в своего идола давили друг друга на улицах Москвы. А через месяц, 4 апреля, мы вдруг узнали, что врачи ни в чем не виновны и признания у них вырваны «незаконными методами следствия». Я слушал радио в лагерном бараке и запомнил короткую реплику инженера Войниловича, бывшего офицера царской армии, посматривавшего на нас,

молодых, с высоты своего опыта: «Скажите, кто бы мог подумать? Они ведь всегда ходили в белых одеждах. Карающие ангелы диктатуры пролетариата. Только крылышек им не хватало. И вдруг — незаконные методы следствия!»

После 4 апреля открылись многие вопросы. Стали возвращаться репрессированные из лагерей, и они рассказывали, как велись процессы 30-х годов. XX съезд создал комиссию Шверника, чтобы расследовать, почему был убит Киров и как велись репрессии после его смерти. Ольга Григорьевна Шатуновская, вызванная из вечной ссылки, опросила тысячу свидетелей и создала дело в 64 томах. Резюме Хрущев собирался прочесть на XXII съезде. К нему явились партийный идеолог Суслов и второй секретарь Козлов и дали понять, что подавляющее большинство ЦК против такого шага. Хрущев отступил и только сообщил съезду, что ведется следствие. Вскоре его сместили, дело в 64 томах выпотрошили, доказательства преступлений Сталина уничтожили. Шатуновская (1901—1990) дожила до перестройки и дала несколько интервью, однако документов у нее не было, сохранился, по счастью, один список документов, переданных комиссией Шверника в политбюро. (Подробнее см. в моей книге «Следствие ведет каторжанка».) Историкам придется выбирать, чему верить: заведомой фальсификации, созданной Сусловым, или воспоминаниям Шатуновской (по рассказам дочери и моим воспоминаниям). Сколько было репрессировано в 1934—1941 гг.? Около двадцати миллионов или в десять раз меньше? Сколько было расстреляно — семь миллионов или полтора миллиона? И сколько всего было перебито народу с 1929 по 1953 г.?

Почему мне так дорога правда Истории? Ведь сусловская фальсификация — не первая. В середине XIX века Сенковский опубликовал перевод саги, в которой убийцы, нанятые Ярославом, рассказывали, как они прикончили Борислейва. Нашелся только один историк, Погодин, который считал необходимым отредактировать заново житие Бориса и Глеба. Церковь настояла на незыблемости памятника, запечатленного во многих сердцах, а стало быть — на незыблемости ложного обвинения Святополка?

А в XX веке Альшиц, мой сосед по бараку, рассказал, как он листал древний памятник, лицевой (то есть украшенный заставками) свод летописи, и натолкнулся на приписку, сделанную нервным почерком, о боярском заговоре. Экспертиза установила авторство Ивана Грозного. Так и продержался этот заговор четыре века. На следствии Альшица обвиняли в пародии на процессы 30-х годов...

Неужели так сохранится и слава Сталина? Да, он научился военному делу, расплатившись за науку нашими шкурами. Да, после битвы на Курской дуге он гнал и гнал немцев до Эльбы и, погубив по дороге несколько миллионов душ, он нечаянно спас Европу от атомной смерти. Но ведь так, неожиданно для самого себя, Альберт Эйнштейн, напуганный Гитлером, создал угрозу

атомной смерти для всего мира. И даже до его разговора с Рузвельтом сама формула $E = mc^2$ открывала перед человечеством пропасть, по краю которой мы до сих пор ходим. И другую пропасть создает простой рост промышленности, стегаящий атмосферу...

Любое действие человека связано с неведомым риском. Даже открытие огня, совершенное в раннем каменном веке. Но судить и восхвалять нас можно только за непосредственные следы наших поступков. И след, оставленный Сталиным, — это разрушение основ русской культуры и разрушение самой плоти русского народа. Идол Сталина, созданный в умах его поклонников, увековечивает могущество тени, вокруг которой собираются мелкие тени зла и пляшут на своем шабаше.

Нынешней весной в Осло проходила Неделя русской культуры, и норвежский король принимал президента Медведева. При этом король процитировал фразу из моего сборника, переведенного на норвежский язык, — о следе, который каждый человек оставляет в истории своей страны, и о слиянии следов в темные и светлые нити, из которых плетется история (привожу свою мысль так, как она сейчас ложится на бумагу). Мне хочется развить эту мысль дальше и сказать, что иссякающие следы Ярослава и Ивана IV получают мощную поддержку в свежем следе Сталина, и ад радуется еще одной пирровой победе.

Мы до сих пор не сумели отделить от тени кровавого деспота народные подвиги при обороне Одессы, Севастополя, Ленинграда, Сталинграда, Тулы — и безымянные подвиги бойцов, погибших на своем рубеже, и беспечную удаль танкистов, сделавших ненужной атомную бомбу в Европе... И вот до сих пор мы топчемся между правдой и кривдой, между чувством вины соратников Сталина и чувством гордости победителей Гитлера. А без нравственной ясности нельзя бороться с гнилью, разъедающей наше общество, и нельзя отбросить призраки прошлого, за которыми прячутся цинизм и бесстыдная ложь.

**Предложение капитуляции было передано сотрудником Берии, Судоплатовым, болгарскому послу. Сталин предлагал уступить Украину немцам, если за ним оставят Москву. Гитлер не стал отвечать ему.*